

Ольга Александровна Сухова

ПРАВО НА НАСИЛИЕ

Российское крестьянство в революции 1917 г. (по материалам Пензенской губернии)*

Февральская революция в России не завершилась падением монархии и созданием новых властных структур. Напротив, крах государственности спровоцировал тектонический традиционалистский сдвиг и положил начало «вторжению архаики». Это в первую очередь сказалось на повседневных политических практиках, ведь в крестьянском обществе, застрявшем в домодерновой эпохе, идея власти не отождествлялась с государственностью, а, скорее, противопоставлялась ей¹, и крестьянство как «антропологическая общность потребности в радикальных переменах не ощущало»². Но в условиях отречения Царя бремя носителя Правды принял на себя крестьянин, получивший возможность реализовать выстраданный веками социальный проект «черного передела». Главным субъектом власти стал глава семьи, домохозяин, имевший право голоса на сельском сходе. Как показало анкетирование, проведенное Министерством земледелия весной-летом 1917 г. на территории Пензенской губернии, именно сход чаще всего назывался в анкетах в качестве источника правотворчества (здесь при-

нимались решения о земельных захватах, погромах помещичьих усадеб и др.)³.

Оборотной стороной «народного самодержавия», «стихий народоправства»⁴ является насилие, освященное почти религиозным чувством отмщения враждебным крестьянству силам. На начальном этапе революции социально-психологические мотивы стихийных эксцессов могли интерпретироваться как желание немедленного отмщения за нанесенные «обиды», особенно актуального из-за боязни обратимости революционных преобразований. В обобщенной форме подобное объяснение на первый взгляд бессмысленных жестокостей представлено в произведении С. Федорченко: «...как подумаю, вдруг все старое обернется, а я и обиды своей не выплачу, — тут и звереешь»⁵. Факторами, провоцировавшими насилие, выступала маргинализация солдатской массы, в большей своей части крестьянской, законно и незаконно наводнившей российские города уже весной 1917 г. Так, уже в первые мартовские дни Пенза оказалась во власти толпы: первой жертвой революции пал командующий

пензенским гарнизоном генерал-майор М. А. Бем⁶. По словам авторов рукописи «Октябрь в Пензе», в ходе манифестации 6 марта «солдаты произвели самосуд над генералом Бемом, олицетворявшим собой все черты старого режима»⁷.

Тем самым новым дезинтегрирующим элементом в системе социокультурных образов становится во многом знаковый образ «солдата». Современная «непривычная» война оказалась слишком серьезным испытанием для крестьянского сознания, а длительный период отрыва от традиционных видов деятельности предопределил маргинализацию солдатской, а по сути дела крестьянской, массы. Весьма наглядно результаты деградации армии в условиях распада государственности представил в своем обращении к военнослужащим комендант г. Пензы Ш. К. Цыбульский: «В Пензе обращают на себя внимание следующие нежелательные явления: на рынках, на бульварах товарищи солдаты занимаются продажей разных вещей обмундирования, папирос, яблок и пр. По улицам ходят одетыми в смешанную одежду — что недопустимо. Ходят в рубахах без поясов. На бульварах и в закоулках играют в карты, орлянку. Караульная, гарнизонная служба ведется непра-

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15—31—12034.

вильно с отступлением от уставов. Все указанное говорит о полной разнице тыла»⁸.

Чудовищная расправа с офицером — капитаном Жигаревым, прибывшим из действующей армии, произошла в Пензе 22 мая 1917 г. Гнев толпы вызвали традиционный стиль обращения офицера к солдатам («миляга») и призывы отправляться на фронт, что в одночасье маркировало его как «врага революции» и «сторонника старого режима» и не оставило ни одного шанса на спасение. Избитого офицера караул доставил в больницу губернского земства для оказания медицинской помощи и во избежание дальнейшей расправы. Но толпа продолжила преследование, прирастая в численности и призывая «Постоять за свободу!». Милиционер и сотрудники больницы не смогли противостоять нападавшим: раненого офицера солдаты выбросили из окна перевязочной во двор больницы и стали избивать. Уже бездыханное тело было подвешено за ноги, и толпа продолжала «издеваться над по-

вешенным трупом: жгли волосы, плевали и поносили труп самыми скверными словами»⁹.

Роль данного фактора возрастает после 25 сентября 1917 г., когда было объявлено о демобилизации солдат старше сорока лет, что нашло отражение в увеличении масштабов и интенсивности крестьянских выступлений. По всей видимости, принятие столь странного в «нормальной» обстановке решения являлось лишь легализацией фактического распада армии. Массовое желание покинуть фронт произрастало из восприятия социально значимой информации, проникавшей в армию в форме слухов: о нехватке хлеба в деревне, о нежелании властей заключить столь желанный мир. Стихийное стремление к миру, требование «ропуска по домам» было характерным и для частей, расположенных в тылу. Так, 153 солдата 688-й пешей пензенской ополченческой дружины 30 сентября ворвались в канцелярию и потребовали у командования отпустить их на полевые работы, угрожая самосудом.

В Саранске 29 ноября около 500 солдат 101-го пехотного запасного полка, подлежащих отправке на фронт, потребовали от командира полка Масалитинова выдачи отпускных билетов. Вызванный для предотвращения беспорядков исполком совета солдатских депутатов не смог переубедить военнотружущих. Бунт был предотвращен тем, что Масалитинов выполнил требования восставших¹⁰.

После Февраля явно выраженный характер и значительные масштабы приобрело тиражирование негативных оценок в отношении помещиков («Крестьяне стали смотреть на землевладельцев как на врагов»). Отмеченная в вопросных листах Министерства земледелия фиксация крестьянского отношения к самому факту государственного переворота как к отрицанию прежней системы социальных связей позволяет констатировать тесную связь между получением информации о революционных событиях в Петрограде и ростом «враждебности» по отношению к землевладельцам: на это указывается

Соборная площадь г. Пензы в первые дни революции. Во время стихийной манифестации убит начальник пензенского гарнизона генерал-майор М. А. Бем

в 94 вопросных листах или (20,8 % анкет)¹¹. Причастность к категории земельных собственников стала общим критерием маркировки «враждебных» крестьянству сил, что наглядно проявилось в ходе деятельности земельных комитетов различных уровней, а также в ходе работы крестьянских сходов.

Отрицание самого института частной собственности на землю сублимировалось здесь в негативное отношение к непосредственным носителям соответствующих мировоззренческих установок, угрожавших общности нравственных устоев патриархального социума. Формировался собирательный образ «враждебной» крестьянству силы. В итоге понятия «земледелец» и «помещик» приобрели ярко выраженные негативные характеристики, стали своеобразным маркером для определения объекта социальной агрессии, виновника народных бедствий.

В частности, на этом основании в июне 1917 г. был отстранен от должности комиссара Наровчатского уездного исполнительного комитета (Пензенская губерния) В. Н. Любимов, хотя в начале апреля его кандидатура была поддержана единогласно. В числе главных мотивов

отказа в доверии — земельная собственность в размере 210 десятин, а также пребывание в должности земского начальника до февраля 1917 г.

Другой образ ассоциировался с войной и порожденным ею кризисом снабжения. «Торговцы», «купцы», «спекулянты» и «буржуи» — эти знаковые элементы причислялись крестьянством к символам городской культуры, стало быть, ненависть по отношению к ним объяснялась, в том числе и реакцией патриархального общества на вызовы индустриальной цивилизации. Тяготы военного времени и милитаризация народного хозяйства разрушили ту слабую грань, которая отделяла привычное восприятие «торговца» от «буржуа», а с позиций патерналистской этики все социальные связи определялись стремлением свести к минимуму угрозу голода и гарантировать определенную степень безопасности существования¹². Как видно, образ внутреннего врага имел тенденцию к абсолютизации, и «антибуржуазное сознание» огульно наделяло общими негативными характеристиками и торговцев, и представителей государства, непосредственной обязанностью которых являлось решение продовольственного вопроса в деревне.

Одним из интересных документов, позволяющих реконструировать содержание оппозиционных политических представлений, а также типологию их социальных носителей и механизм тиражирования, является дознание по делу крестьянина с. Черенцовки Пензенского уезда, производившееся в июле-августе 1917 г. В преддверии очередного заседания волостного исполнительного комитета 18 июля 1917 г. И. Я. Гарькин позволил себе довольно пространное выступление перед однообщественниками антивоенной, противоправительственной и «антибуржуазной» направленности: «...дураки вы, воюете, воткнули бы штыки в землю и ушли бы совсем, все бы бросили; может быть при Вильгельме нам будет лучше жить, Германия давно готова была дать мира без аннексий и контрибуций, да буржуазист Керенский этого не хочет; они, Министры, только деньги кладут и первый Керенский и приказания Керенского не надо исполнять, на что он нужен; он только народ изводит; дураки вы, если вот тебя убьют, то зачем тебе земля и воля; я на эту бойню не пошел бы; не признаю я другой власти, кроме народа, есть одна власть — народ»¹³. В ходе заседания комитета он продолжил свою агитацию: «Керенский — буржуи, и Временное правительство состоит из тех же буржуев, которые нам, товарищи, нежелательны; не думайте, что Керенский расположен к крестьянству, напротив, он ведет крестьянство к гибели... нам война не нужна, а нужен мир...»¹⁴.

В подобном прочтении любой шаг правительства мог быть истолкован исключительно с позиций соответствия целей и содержания мероприятий социальному идеалу («расположен к крестьянству»; «нам... нужен мир»), в противном случае и сами действия, а также лица, на которых возлагалась ответственность за происшедшее, записывались как враждебные и подвергались остракизму.

19 мая 1917 г. в Пензе. Рост митинговой стихии

По всем правилам крестьянского бунта развивались события в с. Ромоданове Саранского уезда Пензенской губернии в октябре 1917 г., когда подверглись разгрому дом и лавка, принадлежавшие А. В. Орлову. В перечне необходимых элементов можно выделить: и набат как способ согласования массовых действий толпы, и провокацию насилия, и действия вождей массы. Ультимативные требования: покинуть дом и село, крестьяне выдвинули Орлову 21 октября. На следующий день на основании «народного права» граждане с. Ромоданова заявили, что дом принадлежит им, поэтому бывшему владельцу следует оставить имущество и выехать из села, в противном случае они «грозили ему смертью». По призыву набата крестьяне собрались у лавки Орлова. На попытки представителей милиции предотвратить нападение, один из лидеров толпы, Г. Моисеев заявил, что милиции «...нечего защищать буржуазию, достаточно уже терпели от них — попили из нас кровушки». Солдаты, присланные для разгона собравшихся, вскоре присоединились к толпе со словами: «...оварищи, мы с вами, буржуев не стоит защищать». В итоге А. В. Орлову и его семье едва удалось покинуть село, а его дом и лавка подверглись жесточайшему разгрому. Сам владелец оценил ущерб в 94 114 руб.¹⁵ Убежденность крестьян в правомерности своих действий доказывает тот факт, что раскаяния о случившемся они, по всей вероятности, не испытывали. В частности, приговором сельского схода был взят на поруки до суда обвиняемый в грабеже И. И. Боронин. Односельчане внесли за него залог в сумме 1 000 руб.

Проявления «революционного правового чина» стали основной причиной роста погромных настроений и аналогичных форм поведенческой практики в сентябре-октябре 1917 г. Например, с 30 октября по 1 ноября

1917 г. были разгромлены имения землевладельцев Айсы и Усмана Кильдеевых при д. Потуловка Пятинской волости Инсарского уезда Пензенской губернии: «Часть имущества сожжена, часть ограблена так, что хозяева сами чуть-чуть могли спастись. В погромах участвовало все население, не исключая и женщин сел Пятинского и Казеевского... Крестьяне прибыли с 300 подводами... частью вооруженные револьверами и другим оружием, шла страшная суматоха...». Хозяева, обращаясь с жалобой к уездному комиссару, оценили ущерб в 320 тыс. руб.¹⁶

Всего только в Пензенской губернии, по подсчетам В. Шварева, в сентябре было разгромлено 49 имений, в октябре — 115 и в ноябре — 82, т. е. за три месяца ликвидировано 246 имений из 267. Если учесть, что в 1916 г. в губернии насчитывалось 1 280 частновладельческих хозяйств, разгрому в 1917 г. подверглось 20,8 % имений, причем по отдельным уездам (например, в Наровчатском) эта участь постигла две трети усадеб¹⁷.

Нередко объектами агрессии становились не только «чужие», но и «свои» крестьяне соседних обществ, получавшие маркировку «враждебной силы». Происходила дальнейшая автономизация крестьянского миропорядка, переходившая с волостного уровня на общинный. Подобные процессы имели тенденцию к дальнейшему углублению по мере обострения продовольственного кризиса. Так, 29 октября 1917 г. общее собрание граждан Федоровской волости Пензенского уезда приняло решение о «...ввиду могущей быть нехватки муки для нуждающегося населения волости» запретить вывоз хлеба в зерне и муке за пределы волости. Попытки властей все же вывезти находившиеся в пакгаузе ст. Студенца 8 800 пудов пшеничной муки и 2 000 пудов пшеницы в г. Пензу вызвали резкую вспышку недовольства со стороны федоровских крестьян. По звону на-

бата крестьяне собрались к пакгаузу с вилами, кольями, топорами. Во избежание самосуда охрана сочла необходимым удалиться со станции. Тогда же, 16 ноября, граждане с. Федоровка приступили к разбору муки со станции по 2 пуда на едока с оплатой за таковую. Интересно, что в постановлении общего собрания говорилось о том, что «лицам, не принадлежащим к Федоровской волости пшеничной муки не выдавать». Согласно с принципом общинной справедливости, «не розданный остаток муки» был ссыпан в общественный магазин, а лица, имевшие излишки ржаной муки, были обязаны возвратить такое же количество, сколько получили пшеничной, и по той же цене¹⁸.

Из-за эскалации насилия в отношении «социально чуждых» элементов крестьяне захватывали уже опустевшие экономии, при этом первоочередной задачей становился передел имущества, накопленного путем эксплуатации, и на этом справедливом в глазах крестьян основании считавшегося народным достоянием. «Рабство кончилось, — говорили крестьяне с. Белокаменка, — Помещиков теперь нет. Земля наша. Чего ты тут живешь [из обращения к М. Я. Васюкову, управляющему имением. — О. С.]. До сих пор не хотят ничего оставить, все держаться...»¹⁹.

Не обделенный даром сочинительства управляющий имения «Казбек» при с. Большая Кавендра Наровчатского уезда Пензенской губернии А. П. Тихонов в своих показаниях весьма образно передает ощущения очевидца, непосредственно присутствовавшего при погроме (15 — 17 октября 1917 г.). По его словам, действия возбужденной толпы походили на реакцию единого живого организма: «...огромная толпа крестьян окрестных сел и деревень, которая на короткое время, точно хищник перед прыжком, остановилась, а потом разом бросилась к барскому

дому, который стали громить с лихорадочной быстротой, главным образом изнутри»²⁰. А. П. Тихонов обратил внимание, прежде всего, на преобладание в толпе женщин и детей, а также на «довольно правильное построение» толпы: впереди были дети, за ними женщины, а далее мужчины разных возрастов»²¹.

По всей видимости, осенью 1917 г., несмотря на всю остроту продовольственного вопроса в империи, хлебные запасы частных землевладельцев не исчерпывали собой цели погромного движения, хотя, безусловно, зерно, муку, скот, сельскохозяйственный инвентарь и деньги крестьяне забирали в первую очередь. Первоочередной задачей для восставших выступало наказание «сил зла», уничтожение всех образов, маркированных в коллективном сознании как символы «старого порядка». Косвенным свидетельством этому служит высказывание А. П. Тихонова: «...чего не

могла [толпа. — О. С.] взять с собой, то ломала, коверкала на месте с безумной целью, чтобы никто не мог пользоваться разбиваемым добром»²². До абсолютизации подобной поведенческой практики применительно ко всем сельским обществам, конечно, далеко, но приоритеты «общинного архетипа» здесь очевидны. Поэтому нередко преставление крестьян о своем праве на захват и присвоение владельческого имущества огульно распространялось на все предметы, обнаруженные на территории экономий, вне зависимости от их практической надобности. Так, скажем, управляющему имением В. В. Сабурова — М. Я. Васюкову, а также служащему И. С. Михеичеву при отъезде крестьяне с Белокаменка не разрешили взять с собой ни продукты, ни предметы обихода, мотивируя отказ отсутствием твердой уверенности в том, что все это принадлежит лично им: «может быть то вещи барские»²³.

Участвуя в погромных кампаниях 1916 — 1917 гг. крестьянство отстаивало и свое «священное право» на «бунт» в предельно-отчаянном состоянии, когда подвергались критическому переосмыслению представления об обязанностях государства, исходя из принципиальных оснований социальной системы патерналистского типа. В условиях ослабления последних и, тем более, в период «безначалия» 1917 г. иное звучание приобретает такая форма общинного правотворчества, как самосуд. Например, в с. Русский Ишим Городищенского уезда Пензенской губернии 5 июня 1917 г. крестьяне общей численностью до 1 000 человек «учинили» самосуд над однообщественником, неким Крашенинниковым, совершившим несколько краж в селе. Преступник был забит насмерть. «Той же толпою убиты отец и мать Крашенинникова, скрывавшие краденное имущество. Прибывшие 8 июля власти

Первомайский митинг пензенских железнодорожников. 1917 г.

сходом не были допущены к вскрытию трупов, и только 12 июля под охраной вооруженной команды в 10 человек произведено судебно-медицинское вскрытие»²⁴.

В одежды «антибуржуйского» сознания рядилось и требование разгрома винных складов. В данном случае острое переживание ущемления чувства собственного достоинства и недоступности вожаемого предмета становилось самым непосредственным поводом для массовой агрессии. Так, 26 ноября 1917 г. солдаты гарнизона г. Саранска свое намерение разгромить винный склад подкрепляли лозунгами следующего содержания: «Товарищи, заведующий складом ворует и продает спирт, офицеры и богачи пьют его беспрепятственно, а бедные солдаты только оберегают, может быть уже пустые здания. Идем и мы выпьем и поделим спирт!», «Товарищи, заведующий нас обозвал подлецами и мерзавцами, он — буржуа, на штыки его, бей и рви на куски!»²⁵.

В октябре-ноябре 1917 г. фиксируются случаи нападения толпы на магазины в губернских центрах, погромы казенных винных и пивных складов, беспорядков на железнодорожных станциях. Призывы к погромным выступлениям наблюдались, что весьма характерно, «со стороны толпы, состоящей преимущественно из солдат». Служащие станции Рузаевка констатировали, что «провоз бездокументной и контрабандной муки возрос в ужасающих масштабах. Все пассажирские и товарные вагоны буквально забиваются мукой. Если так дело пойдет, в недалеком будущем мы будем осуществлять перевозки только по указанию и требованию солдат, перевозящих муку»²⁶.

Губернские власти оказались бессильны в борьбе со стихией анархии, охватившей к концу октября всю империю. Особенно удручала обстановка с организацией продовольственного дела. По словам пензенского

губернского комиссара, происходил «совершенно недопустимый, губящий Пензенскую губернию, вывоз хлебных продуктов без ведома и даже вопреки запрещениям продкомов. Вывозят из деревень и сел за пределы волости, вывозят за пределы уездов, вывозят из губернии, забывая и загрожая вокзалы и вагоны, стесняя пассажиров и угрожая прекращением пассажирского движения»²⁷.

В ночь на 19 октября 1917 г. в г. Пензе в ходе погрома был подожжен казенный винный склад, «вино и спирт расхищены и сгорели»²⁸. Погромные настроения, носителями которых выступали преимущественно солдаты, прочно овладели массовым сознанием провинциального социума, предопределяя все новые и новые вспышки социальной агрессии. Возможность применения превентивных мер по охране общественного порядка полностью исключалась не только вследствие политической дезинтеграции, но и проявлением определенной поведенческой реакции со стороны толпы. В октябре 1917 г. современники отмечали факты распространения погромных настроений среди городских низов и маргинализированной части крестьянства, одетой в солдатские шинели и претендующей на роль вождя массы. Так, в телеграмме губернского комиссара Саратовской губернии от 5 октября 1917 г. сообщалось, что «главным волнующим элементом» в разраставшемся в северных уездах погромном движении выступали пехотные солдаты²⁹. Малейшее противодействие аффективно настроенной толпе порождало в лучшем случае угрозы применения насилия по отношению к представителям власти, а в худшем — новый, еще более масштабный взрыв недовольства³⁰.

Характерно также наличие ссылок на массовый характер подобных действий, что использовалось для интерпретации, нравственного оправдания противоправной поведенческой

практики. Еще одним мотивом социальной динамики выступало прочтение солдатами своего социального статуса как ситуации ограничения личной свободы, что в условиях революции воспринималось противостественным. В частности, в ночь с 30 ноября по 1 декабря 1917 г. подвергся разграблению винный склад в имении Русина (с. Знаменское Мокшанского уезда Пензенской губернии). В «расхищении» спирта приняли участие в том числе и солдаты Мокшанского отделения конского запаса. По словам вахмистра отделения старшего унтер-офицера А. И. Скачкова (из крестьян с. Белогривовка того же уезда), солдаты объясняли свои действия необходимостью следования сложившемуся стереотипу: «...драгунам значит можно брать спирт, а нам нельзя. Все равно спирт уничтожат и мы не пользуемся, а если поедем и заберем немного спирту, только для себя, то наверное ничего за это не будет. Если все берут спирт, а мы будем сидеть, то нас все засмеют... И так уж многие вольные говорят: „Почему не едите за спиртом, чего боитесь?“»³¹.

Действия солдат интерпретировались местным населением как фактор радикализации массовых настроений и объективно выступали основой для распространения реакций внушения (представление о безнаказанности) и подражания. Спустя неделю к складу с целью расхищения спирта стали приходить крестьяне с. Знаменского и окрестных сел — Михайловского, Богородского, Симбухова, Панкратовки и др. Окончательный разгром винного склада, завершившийся пожаром, произошел 8 — 11 декабря. Крестьяне не останавливались даже перед угрозой взрыва, черпая горящий спирт ведрами из цистерн. Несколько крестьян погибли в огне, более 50 получили серьезные ожоги. Описания подобного рода рисуют образ, метко названный В. П. Булдаковым

всероссийским пьяным погромом, который надолго засел в сознании рядовых граждан³².

Формы проявления, «выхода» социальной агрессии, нарушения равновесия отдельных элементов эмоционально-волевой сферы массового сознания являются, по сути дела, критерием определения наиболее болезненных точек, а следовательно, наиболее важных в структурах повседневного бытия. «Революционное право» превратилось в право само-

суда толпы, снимавшей накал социально-психологического напряжения путем прямого действия, борясь не с причиной, а со следствием, пытаясь устранить аномалии действительности самостоятельно, собственными, самыми доступными мерами. По сообщениям периодической печати 1916 — 1917 гг. примеров подобных самоуправных действий было множество³³.

В контексте общего процесса архизации общественного сознания

данный сюжет читается в форме манихейского противопоставления начал мироздания — «Правды» и «Кривды», представление «картины мира» исключительно в двух ипостасях — «добро» и «зло». Углубление антропосоциетального несоответствия в динамике развития российской цивилизации активизировало защитный механизм общинного мироустройства, а вместе с ним и соответствующие изменения в массовом сознании, провозиравшие агрессию архаики.

В статье использованы фотоматериалы из фондов Пензенского государственного краеведческого музея

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

- ¹ См.: Булдаков В. П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. 2-е изд., доп. М., 2010. С. 37 — 38.
- ² Люкшин Д. И. Общинная революция в контексте руральной экспансии первой трети XX в.: бифуркация или энтропия // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2015. № 4 (36). С. 89 — 90.
- ³ Самый высокочастотный показатель. Государственный архив Пензенской области. Ф. 486. Оп. 1. Д. 33 — 41 (далее — ГАПО).
- ⁴ Аскольдов С. А. Религиозный смысл русской революции // Из глубины : сб. ст. о русской революции. М., 1990. С. 20.
- ⁵ Федорченко С. Народ на войне. Т. 2. Революция. М., 1925. С. 68.
- ⁶ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 123. Л. 3 (далее — ГАРФ).
- ⁷ Октябрь в Пензе / сост.: О. М. Шуйфер, И. П. Куприянов, С. Г. Кузнецов ; под ред. О. М. Шуйфера. Пенза, 1937 [Рукопись] // ГАПО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 9. Л. 42.
- ⁸ Вестник Пензенского губернского исполнительного комитета и комиссариата. 1917. № 71, 26 июля.
- ⁹ Пензенская губерния в годы Первой мировой войны. 1914 — март 1918 : в 2 кн. Кн. 2: 1917 — март 1918 / отв. сост. В. В. Кондрашин. Прага, 2014. С. 151 — 153.
- ¹⁰ См.: Октябрь в Пензе. Л. 45.
- ¹¹ ГАПО. Ф. 486. Оп. 1. Д. 33 — 41.
- ¹² См.: Сиви Рональд И. Голод в крестьянских обществах (Реферат) // Отечественная история. 1995. № 4. С. 7 — 8.
- ¹³ ГАПО. Ф. 42. Оп. 9. Д. 90. Л. 6.
- ¹⁴ ГАПО. Ф. Р-2840. Оп. 1. Д. 653. Л. 6 об.
- ¹⁵ Там же. Д. 608. Л. 1 — 9.
- ¹⁶ Там же. Д. 37. Л. 27 — 31.
- ¹⁷ См.: Шварев В. Борьба за установление и упрочение Советской власти в Пензенской губернии. Пенза, 1953. С. 60.
- ¹⁸ ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 2. Д. 571. Л. 2 — 10.
- ¹⁹ ГАПО. Ф. Р-2840. Оп. 1. Д. 508. Л. 2, 8.
- ²⁰ Там же. Д. 227. Л. 28 — 28 об.
- ²¹ Там же. Л. 29.
- ²² Там же. Д. 377. Л. 30 об.
- ²³ Там же. Д. 508. Л. 16, 32 об.
- ²⁴ Крестьянское движение в 1917 году: 1917 год в документах и материалах / под ред. М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева. М. ; Л., 1927. С. 97.
- ²⁵ ГАПО. Ф. Р-2840. Оп. 1. Д. 653. Л. 3 об.
- ²⁶ Там же. Ф. 206. Оп. 1. Д. 4. Л. 474.
- ²⁷ Октябрь в Пензе. Л. 39 — 40.
- ²⁸ ГАПО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 4. Л. 508.
- ²⁹ См.: Крестьянское движение в 1917 году. С. 329.
- ³⁰ ГАПО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 4. Л. 502.
- ³¹ ГАПО. Ф. Р-2840. Оп. 1. Д. 297. Л. 34 об.
- ³² См.: Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 136.
- ³³ См., в частности: ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 140. Л. 105; Ф. 1791. Оп. 2. Д. 232. Л. 5; Оп. 6. Д. 164. Л. 8.